

мнѣ было хорошо, что къ концу пьесы я уже началъ стараться сохранять этотъ тонъ разговора“.

Но тутъ опять пошла бѣда: какъ только онъ начиналъ намѣренно, усиленно стараться, такъ терялъ искомую, желанную простоту и впадалъ въ свою обычную ходульность, господствовавшую въ то время на сценѣ. И онъ до такой степени, благодаря излишнему старанію, уклонялся тогда отъ идеала естественности, что товарищи (а они были питомцы ложной старинной школы) къ концу пьесы осыпали его хвалами, находя, что онъ никогда не игралъ такъ удачно. На самомъ дѣлѣ это, стало быть, значило, что онъ никогда не игралъ въ такой сильной степени ходульно и неестественно. Воображаемъ, какъ мучительно должно было быть душевное состояніе Щепкина при такихъ отзывахъ товарищей! Навѣрное, ему „не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ!“ Нечего и говорить, что при такой упорной энергіи въ стремленіи къ самоисправленію Щепкинъ, въ концѣ концовъ, добился своей цѣли и вышелъ изъ жаркаго боя побѣдителемъ.

Въ концѣ концовъ оказалось, что спектакль въ деревнѣ Голицына имѣлъ великое значеніе для Щепкина. Именно благодаря вліянію игры князя Мещерскаго, юный актеръ нашъ принялся играть совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Правда, ему многихъ трудовъ стоило переломить себя, покинуть старые привычки и приемы игры и исполнять роли просто, жизненно. Онъ много мучился, много разъ у него руки опускались отъ упорной борьбы съ своими недостатками. А въ концѣ концовъ онъ вышелъ счастливымъ побѣдителемъ надъ самимъ собою и сдѣлался такимъ